

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор) .....</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия) .....</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура .....</i>	<i>246</i>

*М. Н. Саенко
(Москва)*

Праславянские «редуцированные» и гласные *и* и *і* в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели

Литература о славянских эрах огромна, и изучение того, как менялись взгляды на эти звуки, могло бы стать темой отдельного монографического исследования. В данной статье мы попробуем осветить лишь некоторые спорные моменты теории «редуцированных» и представить собственную трактовку. Наши взгляды будут подкреплены материалом словенского гореньского говора деревни Валбурга. На некоторые параллели между судьбами праславянских «редуцированных» и словенских *и* и *і* ранее уже, конечно, обращали внимание в литературе, однако подробного сопоставления не проводилось.

Ключевые слова: праславянский язык, редуцированные гласные, словенский язык

1.1. Постановка проблемы

За двести лет своей истории славистика накопила огромный объём данных о праславянских гласных *ъ и *ь и их судьбе в языках-потомках. Однако некоторые вопросы по сей день являются предметом дискуссии:

- 1) каково было качество *ъ и *ь?
- 2) были ли они фонетически более краткими, чем прочие краткие гласные?
- 3) какими факторами определялось выпадение или сохранение континуантов *ъ и *ь в языках-потомках?

Далее мы попробуем коротко рассмотреть историю взглядов на эти вопросы и определить, какие из них являются наиболее аргументированными.

1.2. Каково было качество *ъ и *ь?

1.2.1. Как известно, *ъ и *ь и восходят к праиндоевропейским кратким *u и *i. В то же время в славянских языках их рефлексy в так называемой «сильной» позиции варьируются от *e* и *o* до *a* (не считая позиций

рядом с j^1 , r , l), что породило значительное многообразие взглядов на фонетическое качество еров. Чуть ли не каждый уважающий себя слаvist в той или иной форме высказал собственное мнение на этот счёт, но, поскольку в рамках данной работы у нас нет возможности сделать подробный обзор, далее мы опишем лишь некоторые из этих взглядов.

1.2.2. А. Х. Востоков, который первым установил, что буквы ъ и ь в рукописях обозначали звуки, а не были просто графическими разделителями слов, называл их полугласными и описывал следующим образом: «Полугласные ъ и ь не что иное суть, как стремление воздуха из гортани, потребное для образования всякой из пяти гласных a , e , u , o , y , но не достигающее сего полного изглашения, потому что на половине пути остановленное ударяется в нёбо, вместо того, чтоб устремиться в отверстие рта. — ь ближе подходит к полным гласным оттого, что гортанный воздух для произношения его совершает в устах более пути и ударяется в переднюю часть нёба, почти к деснам; ъ, напротив того, при самом исходе из гортани в нёбо ударяется». Далее Востоков сравнивал ъ с русским y и польским y^2 , а ь вопреки собственному описанию — с согласным $\ddot{y}/j/y$ [Востоков 1865: 18].

1.2.3. А. Лескин определял старославянский ъ как краткий $\ddot{o}$ -образный звук, похожий на ъ из современных болгарских диалектов. По его мнению, ь звучал как краткое закрытое e , приблизительно как первый или второй гласный звук в немецком *bitte* [Leskien 1905: 5]³.

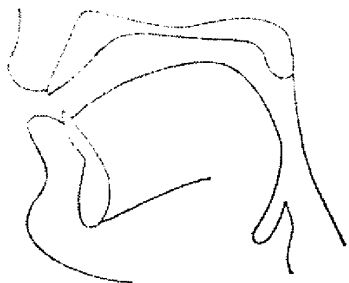
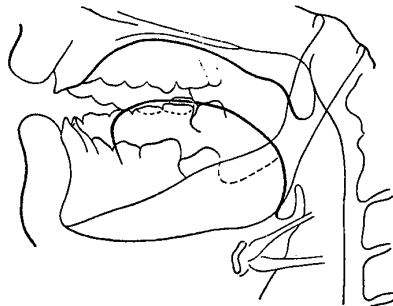
Идентификацию первого звука, который имел в виду Лескин, затрудняет то, что в современных болгарских диалектах качество континуантов *ъ широко варьируется: ъ, a , $\acute{e}$, $\acute{o}$ [Стойков 2002: 202]. Если Лескин понимал тот звук, который характерен для современного болгарского литературного языка, то, хотя его нередко описывают как шва ([ə]), видимо, это не совсем точно. Согласно описанию Э. Тернеса и Т. Владимировой-Буц, под ударением это [ɤ], в безударном положении — [ɐ] [Ternes, Vladimirova-Buhtz 2007: 56].

Следующие артикуляционные профили показывают разницу между болгарским ъ и словенским $\acute{a}$, которое ближе к «прототипическому» шва:

¹ Вопрос о качестве так называемых «напряжённых редуцированных» выходит за рамки данной работы.

² Которые на самом деле являются разными звуками.

³ Здесь и далее мы приводим случаи, когда исследователи описывали не только праславянские *ъ и *ь, но и старославянские ъ и ь, которые являются непосредственным продолжением праславянских гласных.

 Рис. 1. Болгарский *ъ* [ГСБКЕ 1: 30].

 Рис. 2. Словенский *э* [Toporišič 2000: 48].

В. Вондрак присоединялся к описанию *ъ* у Лескина, сравнивая его, однако, с гласным в английском *bird*. В свою очередь, *ъ* он определял как очень закрытый звук, краткий *i*, приближающийся к *e* [Vondrák 1912: 159]. В очень близком ключе высказался Г. А. Ильинский: «Он [ъ] произносился как звук, средний между закрытым *й* и закрытым *e*, тогда как *ъ* звучал в прасл. яз. приблизительно как *ö* (ср. аналогичный звук в англ. *bird*), но так, что губы оставались при его произношении в пассивном положении; язык же оттягивался немного назад, приподымаясь к заднему нёбу» [Ильинский 1916: 62–63]⁴.

1.2.4. Р. Ф. Брандт писал, что *ъ звучал как первый гласный в *помогать*, а *ъ как в *берегъ* [Брандт 1915: 7], то есть как [э] и [i] при икающем произношении. Вероятно, так же следует понимать описание Шахматова, который определял *ъ* как «гласную редуцированную среднего ряда среднего образования», а *ь* — как «гласную редуцированную переднего ряда среднего образования» [Шахматов 1915: 14]. Похожую мысль высказал Дурново, который описывал *ъ как слабо- или нелабиализованный гласный среднего ряда и среднего подъёма, а *ь — как гласный переднего ряда, близкий к *e* [Дурново 2000: 114].

Сюда же примыкает мнение Е. Д. Поливанова, который сравнивал *ъ с казахским *i* (МФА [i]), а *ь — с *ы* (МФА [э]) и *у* (МФА [y]) [Поливанов 1928: 27]⁵.

⁴ Отметим, что Ильинский заблуждался: немецкое *ö* (МФА [œ] и [ø:]) и английское *ir* в *bird* (МФА [z:]) неравнозначны.

⁵ Казахские звуки мы приводим в современной кириллической записи, у Поливанова они даны в арабской графике и транскрипции. Касательно фонетического значения казахских звуков см. [McCollum, Chen 2021].

Позже к этой идее присоединился Р. Нахтигал, который сопоставил с ерами русские гласные в *часовой, старики, горечь, город* [Нахтигал 1963: 49].

Р. Вечерка определял старославянские ѣ и ѣ как «гласный среднего ряда среднего подъёма нелабиализованный с ограниченной долготой» и «гласный, в произношении очень подобный [i] с ограниченной долготой» [Večerka 1984: 43], что также можно понимать как [э] и [i].

1.2.5. Ф. Ф. Фортунатов писал о редуцированных следующее: «Буква ѣ обозначает очень краткое, т. е. иррациональное, у открытое или, что то же, о закрытое. Буква ѣ обозначает очень краткое, т. е. иррациональное, i открытое или, что то же, e закрытое» [Фортунатов 1957: 12].

Сложно сказать, какое именно качество гласных имел в виду Фортунатов, поскольку «i открытое» — это всё же не совсем то же самое, что «e закрытое». Рискнём предположить, что имелись в виду o и e средне-верхнего подъёма.

В дальнейшем такое или близкое видение редуцированных получило значительную поддержку среди учёных [Соболевский 2005: 41; Борковский, Кузнецов 2006: 48; Milewski 1969: 324; Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2006: 96; Moszyński 2006: 218].

1.2.6. Широко представлено мнение, что *ъ и *ь были гласными среднего подъёма (непереднего/заднего и переднего рядов соответственно) и отличались от *o и *e только количеством [Бернштейн 2005: 180; Stieber 2005: 28; Горшкова, Хабургаев 1981: 45; Иванов 1990: 69–70; Галинская 2004: 48].

1.2.7. Предыдущие две точки зрения сведены вместе В. В. Колесовым, который считал, что редуцированные первоначально были средне-верхнего подъёма, потом снизились в средний ряд, отличаясь от o и e только количеством [Колесов 1968: 84].

1.2.8. Ю. Шевелёв определял *ъ как гласный л-типа (э) для тех идиомов, где он дал *э, и как гласный э-типа для идиомов, где он совпал с o [Shevelov 1964: 432]. Аналогичную проекцию современных рефлексов на праславянский уровень можно найти у В. Н. Чекмана, который полагал, что в разных позднеславянских диалектах *ъ звучал как ѣ^e, ѣ^e, э, а *ь — как ѣ^e, ѣ^a, э [Чекман 1979: 191]. Подобные гипотезы являются типичными решениями ad hoc, полностью игнорирующими то, что все современные рефлексы еров в славянских языках можно объяснить без введения таких сложных промежуточных ступеней (см. ниже).

1.2.9. В чешской славистике существует представление о том, что разница между *i и *у с одной стороны и *ъ и *ь с другой была чисто

квантитативной в фонологическом отношении, хотя фонетически она была и качественной, поскольку долгие гласные верхнего подъёма часто произносятся выше, чем их краткие пары, а долгие гласные нижнего подъёма — ниже, чем их краткие корреляты [Mareš 1956: 446; Marvan 1971: 251–252; Bauer, Lamprecht, Šlosar 1986: 46–47].

1.2.10. Американский учёный Х. Лант приравнял старославянские *ъ* и *ь* к английским гласным в словах *put* и *pit*, то есть [ʊ] и [ɪ] соответственно [Lunt 2001: 24]. Позже это мнение в том числе в применении к праславянскому было поддержано и другими учёными [Конески 2001: 29; Попов 2020].

1.2.11. Если попытаться перевести вышеизложенные мнения, или, точнее, догадки, на язык современного МФА, что в связи с приблизительностью многих описаний является задачей нетривиальной, то получится примерно следующая картина:

Таблица 1. Гипотезы о качестве праславянских еров

	*Ъ	*Ь
Востоков	i	j
Фортунатов	ǫ	ě
Лескин	ʏ	ɪ или ə
Вондрак	ʏ или ɜ	ɪ
Брандт	ə	ɪ
Ильинский	œ или ɜ	ɪ
Поливанов	ə или ʏ	ɪ
Бернштейн	ǫ̆	ǫ̇
Шевелёв	ə или ɔ	
Мареш	ĩ	ĩ
Лант	ʊ	ɪ

1.3. Были ли еры фонетически сверхкраткими и редуцированными гласными?

Представление о том, что еры были количественно и качественно редуцированными гласными, широко распространено в науке, что получило отражение и в терминологии («редуцированные гласные», «сверхкраткие гласные»). Приведём несколько цитат:

— «Редуцируясь, эти звуки становились, во-первых, короче кратких, иначе полукраткими звуками, во-вторых, утрачивали свойственное им верхнее образование» [Шахматов 1915: 14];

— «гласные *ъ* и *ь* в о.-сл. были короче других кратких гласных и, вероятно, менее звонки» [Дурново 2000: 113];

— «короче, нежели обычные краткие гласные» [Нахтигал 1963: 49];

— «это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных *о*, *е*. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при образовании этих редуцированных гласных было то, что голосовые связки вибрировали короче, чем при гласных полного образования» [Селищев 2006: 138]⁶;

— «очень краткие, короче нормальных кратких *о* и *е*, с нечёткой артикуляцией» [Черных 1952: 96];

— «произносились, по-видимому, очень кратко, ослабленным голосом» [Борковский, Кузнецов 2006: 48];

— [о ь] «редуцированный гласный с незначительным открытием рта» [Arumaa 1: 57];

— «по своей длительности они были короче нормальных кратких» [Горшкова, Хабургаев 1981: 58];

— «ослабленные гласные, произносившиеся, вероятно, неполным голосом», «они звучали слабее, чем гласные полного образования» [Иванов 1990: 70].

Отдельным вопросом является наличие или отсутствие количественных различий между «сильными» и «слабыми» ерами. Так, Н. Н. Дурново считал, что сильные редуцированные были менее краткими, чем слабые [Дурново 2000: 114]. Поддержку этого мнения можно найти в [Галинская 2004: 48–49]. Л. Мошинский полагал, что еры в сильной позиции длились полморы, а в слабой — четверть [Moszyński 2006: 219]. Иного взгляда придерживалась О. В. Малкова, которая считала, что различие было градуальным, и выделяла «переходные» редуцированные, якобы сохранявшие древнейший тип произношения [Малкова 1981].

Точность некоторых из этих описаний поражает. Тем не менее серьезными аргументами они, как правило, не подкреплены и основываются на

---

⁶ «Редуцированный» *ъ Селищев описывал как «краткий гласный нелабиализованный высокого подъёма задне-среднего ряда» [Селищев 2006: 139].

представлении о том, что выпадать могут только сильно редуцированные в качественном и количественном отношении гласные (что, как показывают типологические данные, не так). При этом существуют аргументы против сверхкраткого характера еров. Во-первых, в позднем праславянском ещё сохранялось противопоставление кратких гласных (*e, *o) долгим (*i, *ě, *ę, *y, *a, *u, *o). Позиционирование еров как сверхкратких означало бы трёхчленное противопоставление по долготе, что типологически довольно редко (хотя и встречается, например, в эстонском).

Во-вторых, в чешском в результате контракции после выпадения йота два ера стягивались в долгий гласный (*rěšьjь > чеш. *pěší*, *dobгьjь > чеш. *dobrý*), давая тот же результат, что и стяжение двух кратких или двух долгих гласных [Marvan 1971: 251].

В-третьих, как указывал Ю. В. Шевелёв, «прояснившиеся» еры могут быть долгими в славянских языках с противопоставлением по долготекраткости: *čьstь ‘честь’ > схр., слвн. *část*, *lъžь ‘ложь’ > схр., слвн. *lâž* (удлинение связано с акцентуацией); *dъžьjь ‘дождь’ > чеш. *děší*, слвц. *dážd*, *stьblo > чеш. *stěblo* ‘стебель’ (но слвц. *steblo*)⁷, *šьdlь ‘шёл’ > слвц. *šiel* (но чеш. *šel*) в результате заменительного удлинения [Shevelov 1964: 436]. К этим примерам можно добавить чеш. *měně* ‘менее’ < **mьп’е* и *děle* ‘дольше’ < **dьl’e*.

Напротив, в качестве аргумента в пользу особой краткости «редуцированных» использовалось наличие заменительного удлинения у *o* и *e* в украинском, но его отсутствие у *ь* и *ь*: **kop’ь* > *kinь*, **re’ь* > *nich*, но **съп’ь* > *сон*, **рьс’ь* > *пес*. На это Шевелёв возражал, что на момент заменительного удлинения *o* и *ь*, а также *e* и *ь*, скорее всего, отличались ещё и качественно, поэтому *o* и *e* подвергалось сужению, а *ь* и *ь* — нет [Shevelov 1964: 436].

1.4. Какими факторами определялось выпадение или сохранение континуантов *ь и *ь в языках-потомках?

Как давно установлено, в большинстве случаев сохранение или выпадение редуцированных в славянских языках определяется законом Потебни – Гавлика: в последовательной цепочке слогов с ерами нечётные (считая от конца слова) еры исчезают, а чётные переходят в гласные «полного образования». Однако известно множество исключений.

⁷ Закономерным рефлексом *stьblo является др.-чеш. *stblo* (ср. пол. *źdźbło*), а *-é-* в *stěblo* перенесено из формы gen. pl. *stěbl, как справедливо указывал А. Лампрехт [Lamprecht 1987: 138].

В первую очередь сюда относятся случаи сохранения ера в односложной форме: *ѣ > схр. чак. *ѣа*; *ть > слвн. *та* 'этот'; *пъ > рус. *но*.

Кроме того, в южнославянских языках континуанты «слабых» еров хорошо сохранились в целом ряде слов, преимущественно в начальном слоге.

В литературном болгарском в ряде слов мы находим ъ на месте праславянского ера в «слабой» позиции: *гѣна* 'гнуть', *дѣно* 'дно', *дѣска* 'доска', *дѣхам* 'дышать', *дѣщеря* (при разг. *щѣрка*) 'дочь', *жѣна* 'жать', *звѣня* 'звонить', *къдѣ* 'где', *лѣжа* 'лгать', *лѣжица* 'ложка', *лѣскав* 'блестящий', *лѣстя* 'лестить', *лѣхам* 'веять', *лѣця* 'сверкать', *мѣгла* 'мгла', *мѣзда* 'возмездие', *мѣна* 'мять (лѣн)', *мѣничѣк* 'малюсенький', *пѣздя* 'рѣдо', *пѣна* 'препятствовать, мешать', *пѣстѣрва* 'форель', *пѣхам* 'пихать', *рѣжда* 'ржавчина', *стѣбло* 'стебель', *стѣкло* 'стекло', *сѣхна* 'сохнуть', *тѣка* 'ткать', *тѣма* 'тьма', *тѣца* 'тѣща'⁸. Гласный *е* обнаруживается в словах *ечемѣк* 'ячмень', *начѣна* 'начать', *четѣ* 'читать'. Учёт диалектных данных позволяет привлечь ещё больше примеров [Duma 1974: 169–171]. С другой стороны, в говорах в некоторых из этих случаев представлены формы с отсутствием гласного, ср. обобщающие карты *лѣжица*, *дѣно/дно*, *тѣкае/ткае*, *жене/жне* Болгарского диалектного атласа [БДА 2001, карты 2, 18, 19, 20].

Часть этих форм можно объяснить как результат аналогии в рамках парадигмы (например, *дѣно* вместо *дно*, *мѣгла* вместо *мгла* по аналогии к gen. pl. *дѣн, *мѣгл) или к однокоренным словам (*тѣца* по аналогии к *тѣст* 'тесть', *дѣхам* — к *дѣх* 'дух, дыхание'), однако в ряде примеров аналогия исключена (*лѣжица*, *къдѣ*), а в ряде маловероятна (сомнительно, чтобы слово *рѣжда* 'ржавчина' часто использовалось в gen. pl.). Кроме того, само количество таких форм делает объяснение через аналогию сомнительным.

Альтернативная гипотеза утверждает, что слабые еры сохранялись в начальном слоге под ударением [Мирчев 1955: 79]. Однако в целом ряде вышеприведённых примеров начальный слог не был ударным в праславянском и не является таковым в современном болгарском.

⁸ В части этих форм ъ стоит на месте этимологического *ь: *жѣна*, *лѣскав*, *лѣстя*, *лѣця*, *мѣгла*, *мѣзда*, *мѣна*, *мѣничѣк*, *пѣздя*, *пѣна*, *пѣстѣрва*, *пѣхам*, *стѣбло*, *стѣкло*, *тѣма*, *тѣца*. Однако это не свидетельствует об анаптикическом характере этого звука, а является результатом двойного развития *ь > е/ь в болгарском литературном языке (например, *дошѣл* 'пришёл', *лѣв* 'лев', *лѣст* 'лесть', *мѣст* 'месть', *пѣкъл* 'ад', *пѣн* 'пень', *пѣстѣр* 'пѣстрый', *тѣмен* 'тёмный', *тѣнѣк* 'тонкий', *тѣст* 'тесть') и большей части говоров, ср. [Кочев 1959; Стойков 2002: 203; БДА 2001, карты 12, 13, 16].

Куда более вероятное, на наш взгляд, объяснение состоит в том, что «редуцированный» мог не выпадать в случае, если при его исчезновении возникал сложнопроизносимый кластер согласных [Duma 1974].

Список сербохорватских примеров невыпадения «слабого» ера ещё длиннее. Можно назвать такие случаи, как *bàzdeti*⁹ ‘вонять’, *cvàsti* ‘цвети’, *čàtiti* ‘читать молитвы при православном религиозном обряде’, *dàhnuti* ‘дохнуть’, *dàljī* ‘более далёкий’, *dànas* ‘сегодня’, *dàska* ‘доска’, *gànuti* ‘растрогать’, *làgati* ‘лгать’, *làštiti se* ‘блестеть’, *làznuti* ‘лизнуть’, *màgla* ‘туман’, *màknuti* ‘двинуть’, *màzda* ‘плата (пейор.)’, *pàstrva* ‘форель’, *sàhnuti* ‘сохнуть’, *snàha* ‘сноха’, *stàblo* ‘ствол’, *stàklo* ‘стекло’, *stàza* ‘тропинка’, *svànuti* ‘рассвести’, *šàljēm* ‘я шлю’, *tàknuti* ‘коснуться’, *tàma* (при поэт. *tmà*) ‘тьма’, *tàrēm* (наряду с *trēm*) ‘я тру’, *tàšta* ‘тёща’, *žànjēm* ‘я жну’. При выходе за пределы литературного языка можно найти формы без континуанта редуцированного: *ckà* ‘доска’ [RHiSJ 1: 814], *sklò* ‘стекло’ [RHiSJ 15: 243].

Особого внимания заслуживает окончание gen. pl. *-ь > -ā, которое, предположительно, было обобщено из акцентных парадигм (b) и (c), в которых на него, вероятно по аналогии, было перенесено ударение, что могло способствовать его сохранению [Matasović 2008: 185–186].

В некоторых случаях, когда ер в сербохорватском выпал, получившийся сложный кластер подвергся метатезе: *žlica* ‘ложка’, *tkò* ‘кто’, *svè* ‘всё’.

Согласно П. Ивичу, в сербохорватском еры сохраняются вопреки закону Поттебни – Гавлика в следующих случаях: 1) в первом слоге под вторичным (метатоническим) ударением; 2) в первом слоге после сонанта (*l*, *m*) и перед шумным согласным; 3) в первом слоге, если при выпадении ера возникала бы группа из трёх или четырёх согласных, не соответствующая формуле «фрикативный + взрывной + плавный»; 4) в начальном слоге перед *j* [Ивић 1998].

В литературном словенском известно множество случаев сохранения «слабого» ера¹⁰: *bàdēti* ‘бдеть’, *čàbēla*¹¹ ‘пчела’, *dànas* ‘сегодня’, *dàhnuti* ‘дохнуть’, *dàskà* ‘доска’, *gànuti* ‘растрогать’, *jàmet* ‘начинаю, принимаю’.

⁹ Поскольку эта форма восходит к *ryzdēti, начальный звонкий *b*- как будто указывает на то, что «редуцированный» в данном слове выпал, а затем кластер был разбит новым анапиктическим гласным, однако в данном случае мы имеем дело со звукоподражательным по происхождению глаголом, в котором озвончение могло произойти и без выпадения гласного, ср. лит. *bezdēti*, лтш. *bezdēt* ‘pēdere’.

¹⁰ В словенской орфографии фонема *ə* записывается при помощи буквы *e*.

¹¹ С метатезой, аналогичной *səmānj* < *sьп’ьмь.

юсь', *katēri* 'который', *kədāj* 'когда', *ləgāti* 'лгать', *mánem* 'я мну', *mànj* 'меньше', *māno* 'мною', *māša* 'месса', *mə̀dəl / mədəl* 'вялый', *məglà* 'туман', *məkníti* 'двинуть', *mə̀nìh* 'монах', *mēstəce* 'городок', *məzdà* 'плата', *pəhníti* 'пихнуть', *rəjə* 'ржавчина', *sə̀dāj* 'сейчас', *səmən̄j* 'ярмарка', *səsāti* 'сосать', *snàha* 'сноха', *stəklò* 'стекло', *šəpətāti* 'шептать', *tàrem* 'я тры', *tásča* 'тёща', *tə̀dāj* 'тогда', *təkníti* 'коснуться', *təmà* 'тьма', *žàmet* 'я жму', *žánjem* 'я жну'. Для ряда этих примеров можно найти дублиеты с выпадением «редуцированного». Ф. Рамовш полагал, что *ə/a* в этих примерах — гласный вторичный, возникший после исчезновения редуцированного, чтобы разбить образовавшийся консонантный кластер, или в результате аналогии к родственным словам [Ramovš 1936: 159–162]. Это объяснение, безусловно, имеет право на существование, более того, известно множество примеров возникновения таких вторичных гласных в различных славянских языках (например, в континуантах слов *ognь 'огонь', *sedьмь 'семь', *osьмь 'восемь'), однако нельзя не заметить, что в случае *gəníti* (1 sg. *gánem*)¹² 'растрогать' и *tàrem* 'я тры'¹³ постулировать вторичный гласный затруднительно: кластеры *gn-* и *tr-* были известны праславянскому (*gnězdo 'гнездо', *trьje 'три') и вряд ли могут считаться сложными для произношения.

Уникальной является ситуация в полабском, где еры в начальном ударном или предударном слоге не утрачивались, отражаясь как *ā/a/è*: *brāvoij* 'брови', *catā*¹⁴ 'считает', *dāmə* 'дует', *dānū* 'дно', *danəc* 'денёк', *drāvə* 'дрова', *dvarai* 'двери', *gramə* 'гремит (гром)', *kātū* 'кто', *klanə* 'ругается', *krāsaijnə* 'крошка (хлеба)', *lāzaic* (m.) 'ложка', *lāzə* 'лжёт', *marə* 'умирает', *mazə* 'моросит', *māglə* 'туман', *pasai* 'псы', *pastraicə* 'гадюка', *pazdə* 'pēdit', *rāvət* 'рвать', *sāpət* 'спать', *sāsə* 'сосёт', *slāzə* 'слеза', *sarət* 'сacare', *stažə* 'тропинка', *stābliū* 'стебель', *stāpaicə* 'спица колеса', *tarə* 'трёт', *tākat* 'ткать', *tāmə* 'тьма', *trāstaijnə* 'тростник', *t'èd* 'где', *t'ènqz* 'король, дворянин', *vānə* 'снаружи', *zaròdlə* 'зеркало', *zarət* 'зреть', *zavət* 'жевать', *zvanə* 'звонит'. Выпадение происходило только в предпредударном слоге¹⁵: *cělə* 'пчела', *cerə* 'вчера', *törə* 'второй', *skrūpə* 'опрыскивает'

¹² В современном литературном словенском для этого глагола и прочих ранее перечисленных глаголов на *-niti* характерно выравнивание основы инфинитива по основе настоящего времени, то есть замена *-ə-* на *-a-*: *ganiti*.

¹³ Наряду с этой формой существует также вариант *trēm*.

¹⁴ Здесь и далее мы следуем записи Лера-Сплавиньского с одним «новым редуцированным» (*ə*), а не с тремя (*ə, ě, ā*), как в работах более поздних авторов.

¹⁵ Но ср. *рътеньсь > плб. *pātīnəc* 'птенец' [SEJDP 3: 491–492].

[Lehr-Splawiński 1929: 52–55]. Особенно показательны в этом отношении формы слова *dъwa: *dāvo* ‘два’, *dāvōj* ‘двое’, *dāve* ‘две’, *dāvūx* ‘двух’, но *dvemā* / *dveto* ‘двумя’ [SEJDP 1: 100].

Прочие западнославянские языки, особенно польский, довольно терпимо относились к возникающим при падении редуцированных кластерам, ср. пол. *brnąć* ‘брести’, *ćma* ‘ночная бабочка’, *czci* ‘честь’ (gen. sg.), *czczy* ‘пустой’, *drwa* ‘дрова’, *dżdżu* ‘дождя’ (gen. sg.), *lgac* ‘лгать’, *mdły* ‘вялый’, *mknąć* ‘мчаться’, *mniej* ‘меньше’, *pchnąć* ‘пихнуть’, *pstrąg* ‘форель’, *ssać* ‘сосать’, *rdza* ‘ржавчина’, *schnąć* ‘сохнуть’, *tchnąć* ‘дохнуть’, *tchórz* ‘хорёк’, *tkać* ‘ткать’, *trwoga* ‘тревога’, *trzcina* ‘тростник’, *żdźbło* ‘стебель’ и т. д. В нескольких случаях новый необычный кластер устранялся метатезой согласных: чеш. *mlha* ‘туман’, словц. *hmla* ‘туман’, пол. *drzwi* ‘двери’, *pchła* ‘блоха’, иногда он упрощался: пол. *córka* ‘дочь’, *łza* ‘слеза’, *szkło* ‘стекло’.

Восточнославянские языки занимают промежуточное положение: в них не так много примеров прояснения «слабого» ера, как в южнославянских, но больше, чем в западнославянских (без учёта полабского). Перечислим ряд русских примеров: *дебри*, *доска*, *дохнуть*, *дочь*, *жевать*, *звенеть*, *ноне*, *серебро*, *сноха*, *сосать*, *сохнуть*, *стезя*, *стекло*, *тёща*, *цветсти*. Л. Э. Калнынь считала также, что диалектные случаи вроде *моx* — *моха* объясняются не выравниванием основы, а невыпадением ера [Калнынь 1996: 46]. Отличительной чертой русского является рефлексация еров после плавных *r* и *l* как в обычной «сильной» позиции: *блоха*, *глохнуть*, *дрова*, *слеза*, *слепнуть*, *тревога*, *яблоко* (но *лгать*, *рдеть*, *ржавый*). А. А. Шахматов пытался объяснить случаи сохранения «слабых» еров тем, что якобы на начальный «редуцированный» в некоторых случаях переносилось ударение, что способствовало их сохранению. Однако, как было показано А. А. Зализняком, ударение здесь роли не играло, что заставляет обращаться к другим факторам — выравниванию по аналогии и сохранению или восстановлению «редуцированного» внутри кластера согласных [Зализняк 1985: 168–172]. Отметим, что сценарий сохранения ера предпочтительнее сценария его вторичного появления по двум причинам: во-первых, во всех процитированных выше примерах гласный имеет качество, соответствующее этимологии (*o* на месте *ъ, *e* на месте *ь); во-вторых, он находится на этимологически правильном месте. Другими словами, на месте *zъwьněti мы находим именно *звенеть*, а не *зевнеть, *зовнеть или *звонеть.

Качество или позиция в слове в некоторых случаях указывают на вторичность гласных на месте еров. Например, в русских диалектах на

месте *myġla имеются формы *мыгlá*, *мугlá* и *мауlá* с явно вторичными гласными [Калнынь 1996: 42]. Известным примером является центральнословацкий «третий рефлекс», когда наряду с закономерными *ь > *е* и *ъ > *о* в части слов наблюдается -а-: *dážd* ‘дождь’, *lan* ‘лён’, *mach* ‘мох’, *raž* ‘рожь’. Вероятнее всего, он возник в формах косвенных падежей, разбивая сложные кластеры [Krajčovič 1971: 51–51]. Несмотря на сомнения Крайчовича, высказанные в отношении этого сценария, его правильность подтверждается тем, что именно для этих слов характерно устранение беглости гласного — *dážd* (gen. sg. *dažd'a*), *lan* (*lanu*), *mach* (*machu*), *raž* (*raže* / *raži*). Возможность использования гласного -а- как анапиктического в словацком доказывают формы gen. pl. *dosák* / *dosiek* ‘досок’, *jedál* ‘блюд’, *sestár* / *sestier* ‘сестёр’, ср. чеш. *desek*, *jidel*, *sester* < *dьskъ, *jědlъ, *sestrъ. Появление вторичного гласного на неэтимологическом месте можно наблюдать в случае верхнелужицкого *ert* ‘рот’, где *гть (gen. sg. *гъта) закономерно дало *rót* (*rta*), после чего в формах косвенных падежей возник протетический *e*- — *rót* (*erta*)¹⁶. Случаи протезы представлены в восточнославянском материале, ср., например, белорусские формы *ар-жаны* ‘ржаной’, *амшанік* / *імшанік* ‘мшаник’, *ікол* ‘клык’, *ілгун* ‘лгун’, *ільдзіна* ‘льдина’, *ірваць* ‘рвать’, *іржа* ‘ржавчина’, *іржаць* ‘ржать’.

Резюмируя, можно сделать вывод, что «слабые»¹⁷ еры в составе потенциального консонантного кластера нередко нарушали закон Потемби – Гавлика (часть вышеперечисленных случаев можно объяснить аналогией, но, безусловно, не все), причём разные славянские языки и диалекты по-разному определяли, какие новые кластеры допустимы, а какие нет¹⁸.

¹⁶ Вторичный гласный можно заподозрить в польском *teść* ‘теть’ (gen. sg. *teścia*) вместо ожидаемого и засвидетельствованного в памятниках *cieść*. Однако судьба этого слова объясняется иначе: праславянское *тъсть (gen. sg. *тъсти) дало древнепольское *cieść* (*ćścia*), впоследствии в формах косвенных падежей произошла диссимилиация — *ćścia* > *tścia*, и, наконец, первый согласный формы именительного падежа выровнялся в соответствии с остальными формами — *cieść* > *teść* [Boryś 2005: 630].

¹⁷ Кажущиеся случаи выпадения «сильных» еров (например, чешское *mudrc* ‘мудрец’), напротив, легко объясняются аналогией.

¹⁸ Привлечение диалектных данных рисует ещё более сложную картину, чем та, что описана выше. В этом отношении очень полезны данные двух томов фонетико-грамматической серии «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА 4а; ОЛА 4б].

1.5. Типологические параллели к выпадению, редукции и централизации гласных верхнего подъёма

Выпадение *и*/или редукция кратких гласных верхнего подъёма *i* и *и* — широко распространённый феномен, известный как в диахронной, так и синхронной перспективе. Так, Е. Д. Поливанов указывал на наличие схожих явлений в японском¹⁹, маратхи, казахском, узбекском, китайском, персидских говорах, бурятском, монгольском, калмыцком и корейском [Поливанов 1928: 29]²⁰.

Характерна редукция гласных верхнего подъёма и для арумьнского, а также северных греческих говоров. В арумьнском, в отличие от прочих балкано-романских языков, конечные *-и* и *-і* сохранились после группы согласных (*albu* ‘белый’, *ṭiṅṭi* ‘пять’), но после одиночных согласных реализуются как неслоговые призвуки — *lup^u* ‘волк’, *lukⁱ* ‘волки’ [Нарумов 2001: 642].

В случае северных греческих говоров исследователи выделяют три типа редукции гласных верхнего подъёма и связанных явлений. При первом все старые безударные *i* и *и* исчезли, а их место заняли безударные *e* и *o*, т. е. *e* > *i*, *o* > *и* (Θεσσαλονίκη /θesalo'niki/ > /θisalu'nik/). В говорах второго типа безударные *i* и *и* выпали только на конце слова и есть переход *e* > *i*, *o* > *и*. В третьем типе безударные *i* и *и* также выпали только на конце слова, но *e* и *o* не изменили места артикуляции [Trudgill 2003: 53].

В сербских посавских говорах редуцируется *и* в части случаев полностью выпадает звук *i* в заударном слоге, чаще всего в положении рядом с сонантом. Звук *и* в этих говорах исчезает лишь в исключительных случаях [Козомара 2016: 618–622, 624–625].

Пожалуй, самыми полезными для славянской исторической фонетики оказываются уроки японского. В этом языке в определённых позициях краткие /i/ и /ʉ/ (в транскрипции Хэпбёрна записывается как *и*) оглушаются, что на спектрограмме проявляется в отсутствии первой форманты и так называемой «голосовой полосы». В аллегро-речи это приводит к полному выпадению гласного, что происходит в двух позициях: безударном слоге после глухого согласного перед паузой (烏 [karasu] > [karas] ‘ворона, ворон’; 秋 [aki] > [aki] ‘осень’); между двумя глухими согласными

¹⁹ Сопоставлению славянских и японских фонетических процессов, в том числе падения «редуцированных», посвящена специальная статья Ю. В. Шевелёва и Дж. Чу [Shevelov, Chew 1969].

²⁰ Описание Поливанова сделано очень крупными мазками, и, конечно, желательно в будущем проанализировать эти случаи более тщательно.

ми, как в безударном, так и ударном слоге (月 [tsuki] > [tski] ‘луна’; 下 [ceta] > [eta] ‘внизу; под’). Реже и в более ограниченных условиях синкопа может затрагивать остальные краткие японские гласные (*a*, *o*, *e*). Долгие /i:/ и /u:/ никогда не выпадают. При этом даже при выпадении гласного оставшийся согласный с ритмической точки зрения продолжает считаться за одну мору, таким образом, выпадение происходит на фонетическом, но не фонологическом уровне. Для сопоставления со славянскими «редуцированными» также важно, что в японском засвидетельствован сдвиг ударения с глухого гласного вправо или влево. Ещё один интересный момент — поведение слов с несколькими глухими гласными. Так, 爆竹 [bakuteiku] ‘петарда’ может произноситься как [bakuteku] или даже [bakteku], но не *[bakteik], что прямо противоположно условиям закона Потебни – Гавлика [Labrune 2012: 34–39]. Важно отметить, что оглушение и выпадение гласных зависит от темпа: в ленто-речи его не происходит [Kondo 1994: 62].

Подчеркнём также, что оглушение гласных не равно их редукции и/или выпадению. Это явление известно во многих языках, например, в корейском [Kondo 1994: 63], где редукции гласных не происходит, и французском, где оглушающиеся конечные гласные не редуцируются и находятся под ударением [Smith 2003].

Таким образом, японский пример показывает, что гласные *i* и *u* могут выпадать без значительной качественной и количественной редукции, а формы с выпадением и без выпадения могут синхронно сосуществовать в аллегро- и ленто-речи.

В научной литературе можно столкнуться с мнением, что редукции и выпадению гласных верхнего подъёма способствует их большая краткость по сравнению с неверхними. Но нельзя не заметить, что в русском языке редукции подвергаются именно неверхние гласные. Кроме того, латышский пример показывает, что противопоставление выпадающих и невыпадающих гласных может проходить по иной линии, чем верхние/неверхние. В латышском в неодносложных словах в конечном слоге краткие гласные *i*, *a*, *e* — но не *u* — выпадали. Ср. литовские и латышские формы: *akis* — *acs* ‘глаз’, *neši* — *nes* ‘ты несёшь’, *nēša* — *nes* ‘он несёт’, *nāgas* — *nags* ‘ноготь’, *širdis* — *sirds* ‘сердце’, *višas* — *viss* ‘весь’, *nēšame* — *nesam* ‘мы несём’, *nēšate* — *nesat* ‘вы несёте’, но *ledūs* — *ledus* ‘лёд’, *medūs* — *medus* ‘мёд’, *lietūs* — *liētus* ‘дождь’.

Понижение артикуляции *i* и *u* до *e* и *o* или централизация в *ə* встречается довольно часто — в литовских говорах, поздней латыни, кельтских

языках, прагерманском, кашубском, словинском, словенских говорах, иранских и индийских языках [Чекман 1979: 180–190].

В кашубском краткие *i* и *y* — а также в меньшем ареале *и* — перешли в *ə*. Бывшие долгие гласные сохраняют своё качество. Ср. польские и кашубские формы: *siwy* — *səvi* ‘седой’, *zima* — *zəma* ‘зима’, *cicho* — *caxo* ‘тихо’, *dziki* — *zəki* ‘дикий’, *czysty* — *čəsti* ‘чистый’, *ryby* — *rəbə* ‘рыбы’, *mysz* — *məš* ‘мышь’, *czuć* ‘чувствовать’ — *čəc* ‘слышать’, *drugi* — *drəgi* ‘второй’, *ludzie* — *ləze* ‘люди’ (см. анализ явления и карты в монографии [Ropowska-Taborska 1961]).

В резьянских словенских говорах централизация устроена значительно более сложно, централизованных гласных четыре — *i*, *ɥ*, *e*, *o*. Интересно, что они возникли из ударных гласных, в том числе таких, на которые ударение было оттянуто вторично [FO 1981: 38–39], таким образом, это явление сложно называть редукцией.

1.6. Наш взгляд на проблему «редуцированных»

В современных славянских языках можно выделить два основных типа рефлексации. При первом языки-потомки сохраняют разницу между рефлексами еров, при втором оба ера дали одинаковый рефлекс, вероятно, слившись в какой-то момент в *ə*. В свою очередь, в каждом типе можно выделить несколько подтипов.

Таблица 2. Типы рефлексации еров в славянских языках

	рефлексы		идиомы
	*Ъ	*Ь	
1a	*ə > ɣ	e/ɣ	болгарский (большая часть диалектов, на части территории ъ в дальнейшем переходит в <i>a</i> -образные звуки), восточная часть эгейских македонских говоров
1b	o	e	восточнославянские языки, словацкий (центральные диалекты), македонский (большая часть диалектов), говоры юго-запада Болгарии
2a	ə		говоры северо-запада Болгарии, севера Македонии и торлакские
2b	*ə > e		польский, чешский, лужицкие, словацкий (западные и восточные диалекты)
2c	*ə > ɛ		кайкавский
2d	*ə > ē / ə		словенский (часть диалектов)
2e	*ə > ā / ə		словенский (часть диалектов)
2f	*ə > a		штокавский и чакавский

По нашему убеждению, нет почти никаких сомнений, что именно [ɪ] и [ʊ] были отправной точкой в истории праславянских «редуцированных». Как известно, *ь и *ъ продолжают праиндоевропейские краткие *i и *u. В то же время для языков с долготной корреляцией очень характерно сопровождение количественного противопоставления гласных качественным. Для гласных верхнего подъёма это часто [i:] — [ɪ] и [u:] — [ʊ]. Такова ситуация в английском, ср. пары: *sit* [sit] ‘сидеть’ — *seat* [si:t] ‘сидение’; *full* [fʊl] ‘полный’ — *fool* [fu:l] ‘дурак’. То же в немецком [Kohler 2007: 87]: *bitten* [ˈbɪtŋ] ‘просить’ — *bieten* [ˈbi:tŋ] ‘предлагать’; *in* [ʔɪn] ‘в’ — *ihn* [ʔi:n] ‘его’ (acc. sg.); *Rum* [rʊm] ‘ром’ — *Ruhm* [ru:m] ‘слава’; *Schuss* [ʃʊs] ‘выстрел’ — *Schuhs* [ʃu:s] ‘туфли’ (gen. sg.). Аналогично в литовском [Jaroslaviénė 2017: 200]: *ausis* [aʊˈsɪs] ‘ухо’ — *aĩsys* [aĩsɪːs] ‘уши’; *sūnūs* [suːˈnʊs] ‘сын’ — *sūnūs* [sũːnuːs] ‘сыновья’²¹. Вероятно, так обстояли дела и в позднем праславянском.

Известно, что гласные верхнего подъёма в абсолютном измерении бывают более краткими, чем гласные среднего или, тем более, нижнего подъёма, как, например, в современном литературном русском [Дьяченко 2015: 257]. Однако жёсткой корреляции между малой длительностью и редукцией нет — в русском не редуцируются именно гласные верхнего подъёма.

Таким образом, праславянские *ь [ʊ] и *ъ [ɪ] могли быть несколько короче других кратких гласных фонетически, но не фонологически. Во всяком случае на особую сверхкраткость *ь и *ъ ничего не указывает. Сам процесс падения «редуцированных» аргументом в пользу сверхкраткости не является: как было описано выше, выпадению могут подвергаться и обычные краткие гласные.

С нашей точки зрения, ключевой вопрос истории «редуцированных» звучит следующим образом: были ли между исходными [ɪ] и [ʊ] и засви-

²¹ Оговоримся, что качественная дифференция может сопровождать количественную в случае только части пар гласных или же не сопровождать вовсе. Показательным является пример чешского языка. В литературном чешском из всех пар гласных качественно отличаются только *i* и *í* (графически *i/y* — *í/y*), которые реализуются как [i:] и [ɪ] соответственно (*byt* [bit] ‘квартира’ — *být* [bi:t] ‘быть’, *kolik* [kɔlɪk] ‘сколько’ — *kolík* [kɔlɪ:k] ‘прищепка’). Однако в моравском диалекте качественной дифференциации нет и в случае этой пары: *i* и *í* отличаются здесь только длительностью [MSČ 2013: 43–44]. Интересна также разница между литературными литовским и латышским. В обоих языках имеется количественное противопоставление гласных, однако в литовском ему сопутствует значительное качественное различие в случае каждой пары, а в латышском качественной разницы почти нет [Jaroslaviénė 2017: 212–213].

детельствованными в отдельных языках континуантами *ъ и *ь какие-либо промежуточные ступени и если да, то какие?

Важным аргументом в данной ситуации является отражение *ъ и *ь в славянских заимствованиях (включая топонимы) в различных языках.

В древнейших заимствованиях греки стабильно передавали *ъ и *ь через *u* и *i*, в то время как в более поздних — уже через *o* и *e*²². Это подтверждается богатым материалом, собранным М. Фасмером (приводим примеры лишь на древнейшую передачу через *u* и *i*): *awoγnιca > Αβαρινίτσα, *awoγnъ > Αβαρίνος, *bezъnъ > Μπεσδοῦνι, *bĕlъskъ > Βελισκός, *bolъtko > Βάλτουκα, *bolъčъno > Βαλτσινόν, *bъzъ > Μπούζι, Βούζι, *bъzowa > Μπουζοβά, *čъnъčewo > Τζηρνίτζοβο, *dъbrica > Δίβριτσα, *dъbrъ > Δίβρη, *gabrowъnikъ > Γαβροβινίкеια, *gabъna > Γαύρινη, *gordъсь > Γαρδίτσα, *gordъкъ > Γαρδίκι, *gromadъna > Γραμμάτινα, *grebenъska > Γρεβενισκά, *klokotъnica > Κλοκοτινίτζα, *kobyлъna > Κοβίλινα, *kon'ъska > Κονίσκα, *kon'ъsko > Κονισκός, *kotъсь > Κοτίτσα, *kriwъska > Κριβησκα, *kupъna > Κουννά, *lĕšъnica > Λεσινίτσα, *lobodъna > Λομποτινά, *lykowъсь > Λυκοβίτσι, *mostъсь > Μοστίτσι, *mъtъnica > Μουντινίτζα, *ostrowъсь > Στροβίτσι, *ostrožъnikъ > Όστροζηνίκου, *ozъna > Όσδίνα, *rešъnikъ > Μπεστινίкеια, *rĕčъna > Ρέτσινα, *selъca > Σελίτσα, *selъnica > Σελίνιτσα, *selъčane > Σελιτσάνη, *sliwъnica > Σκλιβινίτσα, *sorotъna > Σαμπατίνα, *trĕbъna > Στρεβίνα, *wĕtъna > Βέτρινα, *wĕtъnica > Βιτρινίτσα, *(w) oбъльсь > Βομπλιτσοῦ, *zakonъna > Ζακονίνα, *zagowъna > Ζароβίνα. То же и в случае апеллятивов: *bъzъ > βούζιον ‘бузина’, *xъmelъ > χουμέλη ‘хмель’, *къбыль > κούβελος, κουβέλ ‘сосуд; плетённый улей’, *lapъть > λαπούδι ‘чулок’ [Vasmer 1970: 278–282].

Несколько примеров предоставляет румынский: *metъla > *mătură* ‘метла’, *stъklo > *sticlă* ‘стекло’, *sъto > *sută* ‘сто’ [Stieber 2005: 21].

То же (передачу *ъ и *ь через *u* и *i*) мы находим в баварской передаче словенских топонимов: *čъstanъ > *Zistanesfeld* (977 г.), *lomъnica > *Lominicha* (1155), *lubъno > *Liubina* (890), *mъšъnica > *Muhsnitz* (1170), *mъsti-bogъ > *Mistibor* (1181), *pъsowitъi > *Pisuic* (1090), *rybъnica > *Rubinicha* (1082), *sĕmъtko > *Zemicho* (1060), *trĕbъno > *Trebina* (860), *žabъnica > *Sabiniche* (1110) [Ramovš 1936: 35]. В немецкой записи древних лужицких топонимов *ъ = *e*, а *ь = *i*: *wysъrica > *Vuissepici* (951 г.), *гърът- > *Repeti* (980), *pъšenica > *Pizinizi* (973) [Schaarschmidt 1998: 63–64].

²² Исключением является позиция перед плавным, ср. Вероу́тѣ = *въроу́чнѣ у Константина Багрянородного. То же в топонимах: *сыгкъwъjane > Τσερκούβιανα, *wъrbo-wъсь > Βερβοβίτσι, *wъrбъna > Βελβίνα, *wъršewъсь > Βερσοβίτσι, *wъrъсьсь > Βερσίτσι.

В самых старых финских заимствованиях из древнерусского регулярным отражением «редуцированных» являются *i* и *u* (в более новых уже *e* и *o*): *bьrdo > *pirta* ‘бёрдо’, *дѣхогь > *tuhkuri* ‘хорёк’, *гумьно > диал. *kuomina* ‘гумно’, *кргьсть > *risti* ‘крест’, *лъжка > *lusikka* ‘ложка’, *окьно > *akkuna* > *ikkuna* ‘окно’, *полтьно > *palttina* ‘полотно’, *сьгръ > *sirppi* ‘серп’, *толкъно > *talkkuna* ‘толокно’, *тълкь > *tulkki* ‘переводчик’, *търгъ > *turku* (устар.) ‘рынок’, *тъска > *tuska* ‘боль, мѹка’, *wьrsta > *virsta* ‘верста’, *wьгть > *virta* ‘течение, поток’, возможно, также *сьмель > *kimalainen* ‘шмель’ и *жьгдь > *hirsi* ‘бревно’. То же справедливо и для финских заимствований в древнерусском: *musta* ‘чёрный’ > (*Мьста >) *Мста*, *purje* > *пуря* ‘парус’ [Mikkola 1938: 22–25; Kiparsky 1: 78; Shevelov 1964: 437–438; ОФУЯ 2: 119–120; Stieber 2005: 21–22; Kallio 2006].

Так же себя ведут и скандинавизмы в древнерусском: *Birka* (торговый город) > *бьрковьскъ пждь ‘бирковский пуд’ > *берковец* ‘десять пудов’, *biti* ‘поперечная балка’ > др.-рус. *бьгь > *беть* ‘бревно, которое кладётся и закрепляется поперёк барки, с борта на борт’ [СлРЯ XI–XVII 1: 182], *brūftuga дословно ‘приводящая невесту’ > *брюгьга > рус. диал. *брюдга* ‘сваха, сестра жениха, крестная мать жениха, провожатая жениха и т. д.’, *Guðleifr* > *Гьльгьбь*, *sigla* ‘мачта’ > *шьгла* ‘лестница в одно бревно с вырубками’, *sild* ‘сельдь’ > *сьльд > *сельдь*²³ [Shevelov 1964: 438; Аникин 3: 132–134, 159–161; 4: 306–307; 10: 284–285].

Наконец, балтийские языки демонстрируют всё те же соответствия: *грька > лит. *grikiiai*, лтш. *griķi* ‘гречка’, *крьсть > лит. *krikštas* ‘крещение’, лтш. диал. *kristis* ‘крест’, *Павьль* > лит. *Põvilas*, *Пльсковь* > лтш. *Pliskava* ‘Псков’ [Shevelov 1964: 438].

Получается, что на тот момент, когда славяне, расселившись с территории своей прародины, вступили в контакт с греками, румынами, немцами, финнами, скандинавами и балтами, *ь и *ъ в их языке звучали достаточно близко к *u* и *i* в языках этих народов. Однако если мы считаем окончанием праславянской эпохи именно расселение с территории прародины (V–VI вв.), то следует признать, что в течение всей праславянской эпохи *ъ = *u*, *ь = *i*, а какие-либо изменения в месте артикуляции этих звуков начались вряд ли раньше конца общеславянского периода (X–XI вв.) и являются уже скорее фактами истории отдельных славянских языков.

В определённый момент качественное противопоставление в славянских языках становится основным, а количественное — дополнительным,

²³ В данном случае долгий *-i-* не мог быть передан при помощи *-u-*, поскольку сочетание *-uit-* (в отличие от *-ьit-*) было невозможно в древнерусском до падения еров.

после чего последнее постепенно утрачивается. Аналогичные процессы хорошо известны нам из истории народной латыни, а также польского языка.

Получившаяся после утраты количества система гласных оказывается довольно сложной (*i – i – e* в переднем ряду, *u – u – o* в заднем), что ожидаемо привело к упрощению в отдельных языках, как правило путём понижения артикуляции *i* и *u*. Аналогичным образом в романских языках после утраты количественного противопоставления новые системы гласных тем или иным образом упрощались. Например, в итальянском *i* и *u* совпали с *e* и *o* (лат. *bucca* ‘щека’ > ит. *bocca* ‘рот’, лат. *pilus* > ит. *pelo* ‘волос’), что очень напоминает то, что мы видим в славянских языках.

Понижение артикуляции еров можно схематически представить следующим образом (гласные среднего подъёма даны как *ɛ* и *ɔ*, а не *ɛ̃* и *ɔ̃*, как было бы правильнее):

Схема 1b (восточнославянские языки)

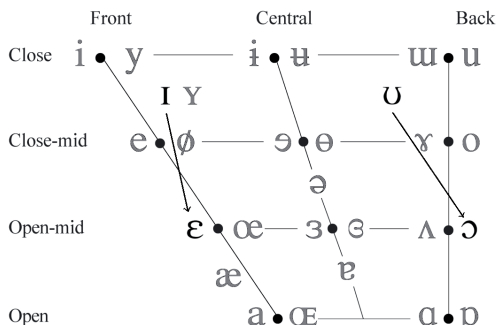

Схема 2b (западнославянские языки)

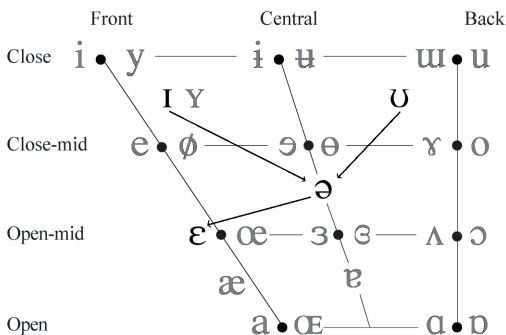
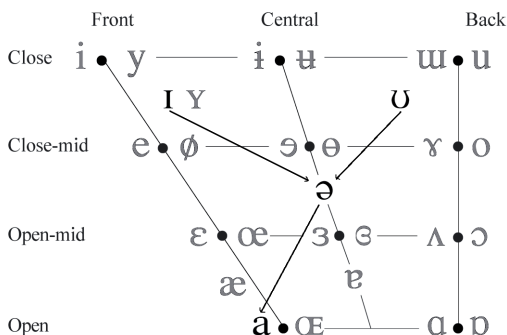

Схема 2f (сербохорватский)

Деление еров на «сильные» и «слабые», на наш взгляд, вряд ли имеет существенные фонетические основания, а скорее базируется на их судьбе в языках-потомках. Учитывая, что эта судьба могла серьёзно различаться, то и это деление вряд ли имеет смысл.

2. Говор Валбурги

2.1. Общая характеристика

Некоторые особенности истории праславянских «редуцированных» можно понять значительно лучше, если привлечь в качестве типологической параллели судьбу кратких *u* и *i* в словенских гореньских говорах. Поскольку конкретная реализация описываемых ниже явлений варьируется от говора к говору, мы ограничились описанием говора одного населённого пункта в качестве конкретного примера. Речь идёт о говоре деревни Валбурга (близ Смледника), которая находится в примерно 15 километрах от центра Любляны. Говор был обследован М. Тавчаром в 1975 году в рамках сбора материала для Общеславянского лингвистического атласа (Валбурга является пунктом атласа 009). В качестве информанта выступила М. Енко 1910 г. р.

Валбурга также является пунктом (212) Словенского лингвистического атласа, материал был собран в 1959–1960 гг. Миленой Енко, студенткой Философского факультета Люблянского университета [SLA 1: 16].

Ниже мы будем использовать преимущественно материалы ОЛА, за доступ к которым мы сердечно благодарим Йожицу Шкофиц из Института словенского языка Франа Рамовша.

2.2. От праславянского вокализма к современному состоянию

Основные фонетические изменения, преобразовавшие позднепраславянский вокализм в систему говора Валбурги, выглядят следующим образом:

а) совпадение *у и *і в *i*;

б) переход *ь и *ь в сильной позиции в *э;

в) исчезновение носовых гласных: *ę > e, *ǫ > o;

г) дифтонгизация *ě (под ударением) > eǐ > ɛ;

д) переход *а: > a:;

е) становление оппозиции закрытых и открытых гласных среднего подъёма (появление новых открытых *e* и *o* в результате оттяжки акута с последнего слога на предыдущий; старые долгие ударные *e* и *o* становятся более закрытыми; старые ударные *ɛ* (<*ě) и *e* (<*ę, *e) совпадают в *ɛ*);

ж) ударные краткие *i*, *u*, *ɛ*, *a* в последнем закрытом слоге переходят в *ə*;

з) выпадение кратких *i* и *u*;

и) исчезновение оппозиции по долготе/краткости: в отличие от литературного языка и многих диалектов, ударные — долгие, безударные — краткие (удлинившиеся краткие ударные *e* и *o* сохраняют своё открытое качество: *zələ:n* ‘зелёный’, *snò:p* ‘сноп’);

к) переход безударного *o* > *u* в предударной позиции;

л) редукция безударных *e*, *a*, *o* > *ə*.

Современная система ударного вокализма говора Валбурги выглядит следующим образом [FO 1981: 87]:

подъём \ ряд	передний	средний	задний
верхний	i:		u:
средне-верхний	ɛ:	ə:	o:
средне-нижний	e:		o:
нижний		a:	

Безударные гласные [FO 1981: 87]:

подъём \ ряд	передний	средний	задний
верхний	i		u
средний	e	ə	o
нижний		a	

При этом полный набор безударных гласных появляется только в задарном слоге, а в предударном возможны лишь *i*, *ə*, *u*. Ударение тоническое, представлены два тона — восходящий (*á*) и нисходящий (*à*).

2.3.1. Судьба старого *ə* (< *ъ и *ь)

Как и в большинстве прочих словенских диалектов²⁴, в говоре Валбурги долгий (циркумфлектированный) *ə*: переходит в *a*: (слева формы литературного словенского в стандартной орфографии, справа — Валбурги):

- *čâst* — *čà:st* ‘честь’;
- *dân* — *dà:n* ‘день’;
- *mâh* — *mà:x* ‘мох’;
- *lân* — *và:n* ‘лён’;
- *vâs* — *và:s* ‘деревня’;
- *lâž* — *và:š* ‘ложь’.

Краткий *ə* под ударением первоначально сохраняет своё качество, а впоследствии, как и все ударные гласные, удлиняется (в квадратных скобках приведена транскрипция форм литературного языка):

- *děš* [dəš] — *də:š* ‘дождь’;
- *hrbět* [xərbət] — *xərbə:t* ‘спина’;
- *pěs* [pəs] — *pə:s* ‘собака’;
- *řž* [ərš] — *rə:š* ‘рожь’;
- *sěm* [səm] — *sə:m* ‘я есть’;
- *věn* [vən] — *və:n* ‘наружу’;
- *žebělj* [žebəl] — *žəbəl:l* ‘гвоздь’.

Безударный *ə* выпадает в позиции перед *u* с одновременной вокализацией *u* > *i*:

- *kísel* [kísəu] — *kí:su* ‘кислый’;
- *mísel* [mísəu] — *mí:su* ‘мысль’;
- *órel* [órəu] — *ó:ru* ~ *vó:ru* ‘орёл’;
- *pónev* [pónəu] — *pó:nu* ‘сковородка’;
- *obútev* [obútəu] — *ubù:tu* ‘обувь’;
- *prišěl bi* [prišəu bi] — *pəršù: bə* ‘пришёл бы’.

Безударный *ə* выпадает в составе суффикса *-əc*, если ему предшествует сонант:

²⁴ *ə*: переходил в *e*: в резьянских, паннонских и части штирийских говоров (см. карты SLA 1/126 ‘tast’, 1/127 ‘tašča’, 1/127 ‘snaha’).

- *kozârec* [kozârec] — *kuzà:rc* ‘стакан’;
- *stârec* [stârec] — *stà:rc* ‘старик’;
- *brâtranec* [brâtranec] — *brâ:tranc* ‘двоюродный брат’;
- *piščânc* [piščânc] — *pšâ:nc* ‘цыплёнок’;
- *svînc* [svînc] — *svî:nc* ‘свинец’;
- *krâjec* [krâjec] — *krâ:ȳc* ‘горбушка’;
- *pâlec* [pâléc] — *pâ:ȳc* ‘большой палец’;
- *tkâlec* [tkâléc] — *tkâ:ȳc* ‘ткач’;
- *vdóvec* [vdóvec] — *vdò:ȳc* ‘вдовец’.

Между двумя шумными, а также если первый из согласных — сонант, но находится в анлауте, *ə* сохраняется:

- *čebêla* [čəbêla] — *čəbê:la* ‘пчела’;
- праслав. *dъxorъ²⁵ — *dəxú:r* ~ *dəxó:r* ‘хорёк’;
- *dežjā* [dəžjā] — *dəžjā:* ‘дождя’;
- *meglā* [məglā] — *məɣvā:* ‘туман’;
- *stezā* [stəzā] — *stəzā:* ‘тропинка’;
- *tēmen* [təmən] — *təmən:* ‘тёмный’;
- *zôbek* [zôbək] — *zò:bək* ‘зубик’;
- *pôpek* [pôpək] — *pò:pək* ‘пупок’;
- *dêdek* [dêdək] — *dê:dək* ‘дедушка’;
- *krátek* [krátək] — *krá:tək* ‘короткий’;
- *vôtek* [vôtək] — *vò:tək* ‘уток’;
- *môzeg* [môzək] — *mò:zək* ‘мозг’;
- *ôzek* [ôzək] — *vôzək* ‘узкий’;
- *zvêzek* [zvêzək] — *zvè:zək* ‘тетрадь’;
- *nôsek* [nôsək] — *nò:sək* ‘носик’;
- *pêsek* [pêsək] — *pè:sək* ‘песок’;
- *striček* [strīčək] — *stri:čək* ‘дядюшка’;
- *ôček* [ôčək] — *ú:čək*²⁶ ‘глазок’;
- *slépec* [slépéc] — *slé:péc* ‘слепец’;
- *želôdec* [želôdəc] — *žəvò:dəc* ‘желудок’;
- *brátec* [brátéc] — *brà:téc* ‘братец’;
- *sûhec* [sûhéc] — *sù:xéc* ‘худощавый человек’;

²⁵ Словенское литературное *dihūr* объясняется как гиперкорректный пересчёт диалектного *thōr* [Snoj 2016: 139], воспринятого как диалектная горенская форма с выпадением *-i*.

²⁶ Вокализм корня, видимо, из формы *uči*: ‘глаза’.

- *mêsec* [mêšəc] — *mê:səc* ‘месяц’;
- *plêšec* [plêšəc] — *plê:šəc* ‘лысый человек’.

Если учесть, что большинство перечисленных выше случаев — существительные и прилагательные, у которых *ə* в формах косвенных падежей исчезает, можно утверждать, что фонетического выпадения *ə* в говоре Валбурги нет, и речь идёт скорее о выравнивании парадигмы по аналогии, но эта аналогия затрагивает в первую очередь те слова, где исчезновение *ə* в форме *nom. sg.* не приведёт к появлению труднопроизносимого кластера согласных.

Аргументом в пользу того, что это морфологический процесс, а не фонетический, может служить следующая пара слов: *dêdec* [dêdəc] — *dê:tc* ‘мужчина’, но *žêlôdec* [žêlôdəc] — *žəvô:dəc* ‘желудок’. Как мы видим, в аналогичных фонетических условиях в одном слове *ə* исчезает, а в другом — нет. Важный вывод, который из этого следует, заключается в том, что фонетически *ə* в говоре Валбурги не выпадало (за исключением, возможно, позиции перед *ʝ*).

2.3.2. Судьба кратких *u* и *i*

В говоре Валбурги долгие ударные *u* и *i* сохраняют своё качество:

- *krî* — *krî:* ‘кровь’;
- *nosníca* — *nusní:ca* ‘ноздря’;
- *nosû* — *nusù:* ‘носа’;
- *očí* — *učí:* ‘глазá’ (*nom. pl.*);
- *očí* — *učí:* ‘глаз’ (*gen. pl.*).

Краткие ударные *u* и *i* переходят в *ə* на конце слова:

- *vsĭ* — *usə:* ‘все’;
- *na hrbtù* — *na xərtə:* ‘на спине’;
- *nə mäsə:* ‘на мясе’²⁷;
- *žəbljĭ* — *žəblə:* ‘гвозди’.

То же происходит с краткими ударными *u* и *i* в конечном закрытом слоге²⁸:

- *bĭk* — *bə:k* ‘бык’, при *bĭkes* [bĭkəc] — *bĭ:kəc* ‘бычок’;
- *dĭm* — *də:m* ‘дым’;
- *klĭn* — *klə:n* ‘клин’;

²⁷ В литературном языке мы обнаруживаем иное ударение — *na mēsu*.

²⁸ Это явление затронуло также *ě* и *a* (но не *e* и *o*): *xrə:n* ‘хрен’, *ərdə:č* ‘красный’, *brə:t* ‘брат’, *ɣə:t* ‘гадюка’, *kə:t* ‘кадка’, *prə:x* ‘порог’, *ubrə:s* ‘лицо’, *zrə:k* ‘воздух’.

- *mǐš* — *mǝ:š* ‘мышь’;
- *nǐč* — *nǝ:č* ‘ничто’;
- *nǐt* — *nǝ:t* ‘нить’;
- *rǐt* — *rǝ:t* ‘culus’²⁹;
- *sǐr* — *sǝ:r* ‘сыр’;
- *sǐt* — *sǝ:t* ‘сыт’;
- *tǐč* — *tǝ:č* ‘птица’, при *tǐček* [tǐčək] — *tǐ:čək* ‘птичка’;
- *krǐh* — *krǝ:x* ‘хлеб’.

Краткие безударные *u* и *i* выпадают или переходят в *ǝ*³⁰. Показательным примером являются парадигмы глаголов ‘молотить’ и ‘видеть’:

- *mlátim* — *mvá:təm* ‘я молочу’;
- *mlátiš* — *mvá:tǝš* ‘ты молотишь’;
- *mlátimo* — *mvá:tmo* ‘мы молотим’;
- *mlátijo* — *mvá:tjo* ‘они молотят’;
- *vídím* — *vǐ:dəm* ‘я вижу’;
- *vídi* — *vǐ:t* ‘он видит’;
- *vídite* — *vǐ:tte* ‘вы видите’;
- *vídijo* — *vǐ:djo* ‘они видят’.

Эти гласные выпадают в ауслaute не под ударением (тон и качество корневого гласного литературного языка иногда не совпадают с аналогичными характеристиками в говоре Валбурги):

- *míši* — *mǐ:š* ‘мышь’ (gen. sg.);
- *bódi* — *bǝ:t* ‘будь’;
- *brátu* — *brǝ:t* ‘брату’;
- *čákali smo* — *čǝká:l smo* ‘мы ждали’;

²⁹ В материалах ОЛА эта форма записана как ответ на вопрос 1386 (континуант праславянского *гъть, давший *řt* ‘мыс’ в словенском литературном), но это, по всей вероятности, является ошибкой, на что указывает ответ на вопрос 1387 (loc. sg. того же слова), где мы обнаруживаем *nǝ rǐ:t*, очевидно соответствующее литературному *na rǐti*, а не *na řtu*. Дополнительным подтверждением является форма *rǝt* ‘culus’ из SLA [SLA 1, карта 56].

³⁰ Это характерно также для *ě*, а именно: выпадение в заударном или предударном слоге рядом с сонантом: *čvǝ:uk* ‘человек’, *ǝlsǝ:n* ‘деревянный’, *pǝrxvǝ:du se je* ‘он простудился’, *ǝrčǐ*: ‘вещи’ (gen. sg.), *vǐ:du* ‘видел’, *vǐ:dva* ‘видела’; редукция в шва в составе кластера: *drǝvǝ* ‘дерево’, *tǝstǝ* ‘тесто’, *vǐ:dǝt* ‘видеть’. Но есть и случаи сохранения в заударном положении: *mǝ:dvet* ‘медведь’, *sǝ:set* ‘сосед’. Лишь в отдельных словах полностью исчезают (а не редуцируются в *ǝ* и *u*) безударные *e* и *o*: *dnǝ:r* ‘деньги’, *nǝrdǝ:t* ‘сделать’, *kupvǝ:t* ‘покупать’, *ǝncǝ:ǐ* ‘сегодня ночью’, *stǝ:ǝn* ‘бедро’.

- *láni* — *vá:n* ‘в прошлом году’;
- *míši* — *mí:š* ‘мышей’;
- *míši* — *mì:š* ‘мыши’ (ном. pl);
- *nísi* — *ní:s* ‘ты не есть’;
- *otróci* — *utró:c* ‘дети’;
- *prágu* — *prá:x* ‘порогу’;
- *pri kónju* — *pər kò:n* ‘при коне’;
- *pri vólu* — *pər vò:l* ‘при воле’;
- *prósi* — *pró:s* ‘он просит’;
- *s svínjami* — *s svi:nam* ‘со свиньями’;
- *slīši* — *slì:š* ‘он слышит’;
- *svínji* — *sví:n* ‘свинье’ (dat-loc. sg.);
- *tébi* — *té:p* ‘тебе’ (dat-loc.);
- *v vódi* [v vódi] — *u vó:t* ‘в воде’;
- *vīdi* — *vì:t* ‘он видит’
- *vólu* — *vò:l* ‘волу’;
- *zmóti se* — *zmó:t se* ‘он ошибётся’;
- *žrebētu* — *žbè:t* ‘жеребёнку’.

После консонантного кластера на месте *u* и *i* мы обнаруживаем *ə*:

- *pónvi* — *pó:nvə* ‘сковородке’ (dat.sg.);
- *zājcu* — *zà:icə* ‘зайцу’;
- *na pālcu* — *nə pà:ucə* ‘на большом пальце’;
- *pri vōlku* — *pər vòucə* ‘при волке’;
- *pri zājcu* — *pər zà:icə* ‘при зайце’;
- *órlī* — *ó:rlə* ‘орлы’;
- *pālcī* — *pà:ucə* ‘большие пальцы’;
- *zājci* — *zà:icə* ‘зайцы’;
- *dvōjčki* — *dvò:icə* ‘близнецы’;
- *brātski* — *brá:tskə* ‘братский’;
- *člověški* — *čəvə:škə* ‘человеческий’;
- *kōnjski* — *kò:nskə* ‘конский’;
- *móški* — *mó:škə* ‘мужчина’;
- *míslī* — *mì:slə* ‘он думает’;
- *jedli* — *jé:dlə* ‘ели’ (глагол);
- *mógli* — *mò:ylə* ‘могли’;
- *plétli* — *plé:dlə* ‘плели’.

При этом мы наблюдаем восстановление *ə* на месте исчезнувшего окончания по аналогии, ср. многочисленные колебания:

- *kljúči* — *klú:č̣ ~ klú:č̣ə* ‘ключи’;
- *mléku* — *mlé:k ~ mlé:kə* ‘молоке’ (loc.sg.);
- *nóži* — *nó:ṣ̌ ~ nó:ẓ̌ə* ‘ножи’;
- *prági* — *prá:x ~ prá:yə* ‘пороги’;
- *pri mōžu* — *pər mó:ṣ̌ ~ mō:ẓ̌ə* ‘при муже’;
- *sīnu* — *sì:n ~ sì:nə* ‘сыну’.

Кроме того:

- *bôki* — *bô:kə* ‘бока’;
- *bráti* — *brá:tə* ‘братья’;
- *cvêti* — *cvè:tə* ‘цветы’;
- *golôbi* — *γulò:bə* ‘голуби’;
- *jelèni* — *jələ:nə* ‘олени’;
- *mōžu* — *mō:ẓ̌ə* ‘мужу’;
- *pri golôbu* — *pər γulò:bə* ‘при голубе’;
- *ráki* — *rá:kə* ‘раки’;
- *vóli* — *vólə* ‘волы’.

Выпадение *u* и *i* в консонантном кластере не под ударением:

- *bilī* — *bli:* ‘были’ (m.);
- *bódite* — *bô:tte* ‘будьте’;
- *glávica* — *γvá:ɥca* ‘головка’;
- *gosēnica* — *γusè:nca* ‘гусеница’;
- *govēdina* — *γuvèdna* ‘говядина’;
- *kobilica* — *kubi:lca* ‘кузнечик’;
- *kōlik* — *kò:lk* ‘сколько’;
- *krávica* — *krá:ɥca* ‘коровка’;
- *piščánec* [piščánɛs] — *pšá:nc* ‘цыплёнок’;
- *pozábila* — *puzá:bla* ‘забыла’;
- *rókica* — *ró:kca* ‘ручка’;
- *sinica* — *sni:ca* ‘синица’;
- *sirôta* — *srò:ta* ‘сирота’;
- *svinētina* — *svinè:tna* ‘свинина’;
- *telētina* — *tələ:tna* ‘телятина’;
- *vídite* — *vi:tte* ‘вы видите’;
- *vránica* — *vrá:nca* ‘селезёнка’;
- *živim* — *žvi:m* ‘я живу’;
- *živina* — *žvi:na* ‘скот’;
- *živòt* — *žvò:t* ‘туловище’.

Выпадение *u* и *i* в безударном слоге рядом с сонантом (*l, r, n, m, w, v, j*), если при выпадении образуется слоговый сонант, имеет следующий вид: #RiC, #RuC > #əRC (только *r, l*); CiR#, CuR# > CəR#, CRiC, CRuC > CəRC, напр.:

- *ljudjē* — *əldjè*: ‘люди’;
- *ljudi* — *əldi*: ‘людей’;
- *lisica* — *əlsi:ca* ‘лисица’;
- *rumèn* — *ərmè:n* ‘жёлтый’;
- *družina* — *dərži:na* ‘семья’;
- *strupēna* — *stərpè:na* ‘ядовитая’;
- *māvrca* — *mà:vərca* ‘радуга’;
- *prišël bi* [*prišə̀ bi*] — *pərsù: bə* ‘пришёл бы’;
- *séstrica* — *sé:stərca* ‘сестрица’;
- *trijē* — *tərijè*: ‘три’ (m.);
- *léšnik* — *lè:šənk* ‘фундук’;
- *pāšnik* — *pà:šənk* ‘пастбище’;
- *perīlnik* — *pəri:vənk* ‘валёк для стирки’;
- *práznik* — *prá:zəjk* ‘праздник’;
- *sòpnčnica* — *sò:pčəncə* ‘подсолнух’;
- *trəpālnice* — *trəpà:vənce / trəpà:lənce* ‘ресницы’;
- *ústnice* — *ù:stənce* ‘губы’;
- *pélin* — *pé:lən* ‘попынь’;
- *petélin* — *pəté:lən* ‘петух’;
- *míslim* — *mì:sləm* ‘я думаю’;
- *ōčim* — *vò:čətm ~ ó:čətm* ‘отчим’;
- *vídím* — *vì:dətm* ‘я вижу’.

Вероятно, факультативно в этих случаях могут появляться слоговые сонанты, ср. *z ničēter* [*z ničə̀tə̀r*] — *z ničè:tər* ‘ни с чем’³¹.

Отдельно приведём примеры на выпадение *u* и *i* рядом с сонантом *w, v, j*:

- *visòk* — *usò:k* ‘высокий’;
- *nòsil* — *nó:su* ‘носил’;
- *cvílil* — *cví:lu* ‘скулил’;
- *dívji* — *dí:vi* ‘дикий’;
- *pásji* — *pá:si* ‘пёсий’, при *pásja* — *pá:sja* ‘пёсья’.

³¹ У Т. Логара форма ‘люди’ фигурирует как *ldjè*: [Logar 1993: 25–26], однако, поскольку в записанных им текстах нет других похожих примеров, нельзя сказать, является ли это особенностью записи или характерно для речи конкретного носителя.

Лишь в одном случае ожидаемого *-u#* не обнаруживается: *pozábil* — *puzá:p* ‘забыл’.

Краткие *u* и *i* сохраняются в начале слова:

- *igrâm* — *iyrà:m* ‘я играю’;
- *imâm* — *imâ:m* ~ *imà:m* ‘я имею’;
- *imê* — *imè:* ~ *imè:* ‘имя’;
- *iskáti* — *iskà:t* ‘искать’;
- *ubîj* — *ubi:j* ‘убей’;
- *uhô* — *uxò:* ‘ухо’;
- *ušî* — *uši:* ‘вши’ (gen. sg.).

Нами также был обнаружен ряд примеров, когда *u* и *i* вопреки ожиданию не выпадают:

- *ključavnica* — *klučá:vəpca* ‘замок’;
- *pljuváti* — *pluvà:t* ‘плевать’;
- *právljica* — *prá:ulica* ‘сказка’;
- *ríbič* — *rì:bič* ‘рыбак’;
- *rumenják* — *rumená:k* ‘желток’, несмотря на однокоренное *ərmè:n* ‘жёлтый’;
- *sinôvi* — *sinò:u* ‘сыновья’;
- *svîčnik* — *svì:nčnik* ‘карандаш’;
- *svinětina* — *svinè:tna* ‘свинина’;
- *višina* — *viši:na* ‘высота’, несмотря на однокоренное *usò:k* ‘высокий’.

В односложном слове выпадения не происходит:

- *bi* — *bə* ‘бы’;
- *jih* — *jəx* ‘их’;
- *jim* — *jəm* ‘им’;
- *pri* — *pər* ‘при’;
- *ti* — *tə* ‘тебе’ (dat.);
- *so šli* — *so šlə* ‘они шли’.

Формы *jəx*, *jəm* и *šlə* ярко демонстрируют, что мы имеем дело не с полным исчезновением *u* и *i* и последующей вставкой шва (в этом случае ожидалось бы *ix, *im и *šəl), а с переходом *u* и *i* > *ə*.

С таким же переходом мы сталкиваемся в консонантном кластере не под ударением:

- *bózič* — *bó:žəč* ‘Рождество’;
- *diši* — *dəši:* ‘нюхает; пахнет’;
- *jěsih* — *jé:səx* ‘уксус’;
- *jézik* — *jé:zək* ‘язык’;

- *na kolénih* — *nə kulɛːnəx* ‘на коленях’;
- *pri kolěsih* — *pər kulɛːsəx* ‘при колёсах’;
- *pri kónjih* — *pər kɔːnəx* ‘при конях’;
- *kóžuh* — *kóːžəx* ‘кожух’;
- *minīl* [minīl̩] — *mənuːl̩* ‘минул’³²;
- *mójih* — *móːjəx* ‘моих’;
- *mudī se (mu)* — *mədiː se* ‘он торопится’;
- *mustáče* — *məstáːce* ‘усы’;
- *prásič* — *préːšəč* ‘боров’;
- *pri telétih* — *pər təlɛːtəx* ‘при телятах’;
- *studénec* [studénəc] — *stədəːnc* ‘родник’;
- *širòk* — *šəroːk* ‘широкий’;
- *trébuh* — *tréːbəx* ‘живот’;
- *pri ušěsih* — *pər ušɛːsəx* ‘при ушах’;
- *vélik* — *véːlək* ‘большой’.

Формы *jéːzək* и *tréːbəx* также свидетельствуют о том, что полного исчезновения гласного не было, поскольку тогда бы ожидалась ассимиляция согласных, то есть **jéːsk* и **tréːpx*, и такие формы широко представлены в словенских говорах, особенно ровтарских (в редких случаях отмечена прогрессивная ассимиляция *-zg* и отсутствие ассимиляции *-bx*) [SLA 1/145, 1/49]³³.

Отметим, что выпадение или сохранение (в виде *ə*) *i* и *u* в консонантном кластере осуществляется непоследовательно. Так, в *véːlək* и *šəroːk* обнаруживается *ə*, а в *kòːlk* и *žvòːt* — ноль звука. Этот факт, а также наличие говоров, где гласный в словах *jezik* и *trebuh* выпадает, свидетельствует о том, что консонантный кластер выступает в роли своеобразной «серой зоны», где выпадение гласного возможно, но не обязательно. Нельзя не увидеть сходства этой «серой зоны» с поведением еров в начальном слоге, когда в одних славянских языках они в составе сложных кластеров сохранялись, а в других исчезали, причём выбор «сохраняющих» кластеров от языка к языку разнится.

Резюмируя вышесказанное, судьбу кратких *i* и *u* в говоре Валбурги можно описать следующим образом:

³² В литературном языке формант **-nq̄ti* отражается как *-niti* с *-i-* аналогического происхождения.

³³ В то же время вставное шва в говоре Валбурги отмечено: *smrěka* — *səmrɛːka* ‘ель’, *střm* [stəřm̩] — *stəːrəm* ‘крутой’.

1. краткие *i* и *и* сохранялись в начальной позиции;
2. краткие *i* и *и* переходили в *ə* в неначальной позиции:
  - а) под ударением;
  - б) в односложном слове;
  - в) на конце слова после консонантного кластера;
  - г) в некоторых консонантных кластерах;
3. краткие *i* и *и* выпадали в неначальной позиции:
  - а) на конце слова не под ударением после одного согласного;
  - б) рядом с сонантом;
  - в) в некоторых консонантных кластерах.

Нельзя не заметить прямую зависимость судьбы *i* и *и* от того, насколько сложно было произносить слово в случае их полного выпадения.

3. Выводы

Вернёмся к вопросам, поставленным нами в начале статьи:

— каково было качество *ь и *ь?

— были ли они фонетически более краткими, чем прочие краткие гласные?

— какими факторами определялось выпадение или сохранение конинуантов *ь и *ь в языках-потомках?

По нашему мнению, в течение всей истории праславянского языка *ь и *ь имели качество [ʊ] и [ɪ] соответственно. Понижение артикуляции невыпавших еров до *o*, *ɤ*, *ə*, *e* является фактом истории уже отдельных славянских языков. Нет серьёзных доказательств того, что еры были сверхкраткими. Основным условием выпадения или сохранения «редуцированных», вероятно, было то, насколько сложные и непривычные для говорящих сочетания согласных появлялись в результате этого выпадения. При этом разные славянские идиомы по-разному проводили границу между допустимыми и недопустимыми новыми кластерами.

Почти ту же картину мы наблюдаем в словенском говоре Валбурги: краткие *и* и *і* в нём исчезали без значимой количественной или качественной редукции, а в случае сохранения гласного его артикуляция понижалась до *ə*. Сохранение гласного определялось прежде всего тем, насколько сложный кластер создавало его выпадение, причём в соседних говорах с аналогичными процессами допустимых кластеров может быть больше. Настолько точная параллель серьёзно подкрепляет высказанные нами выше соображения по поводу судьбы *ь и *ь.

Литература

- Аникин 1–15 — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–15. М.; СПб., 2007–2021.
- БДА 2001 — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 1–3. Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.
- Бернштейн 2005 — *С. Б. Бернштейн*. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005.
- Борковский, Кузнецов 2006 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
- Брандт 1915 — *Р. Ф. Брандт*. Краткая сравнительная грамматика славянских языков. М., 1915.
- Востоков 1865 — *А. Х. Востоков*. Филологические наблюдения. СПб., 1865.
- Галинская 2004 — *Е. А. Галинская*. Историческая фонетика русского языка. М., 2004.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- ГСБКЕ 1 — Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 1. Фонетика. София, 1998.
- Дурново 2000 — *Н. Н. Дурново*. Очерк истории русского языка // *Н. Н. Дурново*. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Дьяченко 2015 — *С. В. Дьяченко*. Гласные первого предударного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. М., 2015. С. 244–297.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иванов 1990 — *В. В. Иванов*. Историческая грамматика русского языка. М, 1990.
- Ивић 1998 — *П. Ивић*. О условима за чување и испадање полугласа у српскохрватском // *П. Ивић*. Целокупна дела. Књ. X/1. Расправе, студије, чланци. О фонологији. Нови Сад, 1998.
- Ильинский 1916 — *Г. А. Ильинский*. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Калнынь 1996 — *Л. Э. Калнынь*. Рефлексация *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследование. 1991–1993. М., 1996. С. 40–57.
- Козомара 2016 — *Д. Козомара*. Фонетске и морфолошке особине српских посавских говора између Врбаса и Украине // Српски дијалектолошки зборник. 2016. Књ. 63. С. 579–731.
- Колесов 1968 — *В. В. Колесов*. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 80–86.
- Конески 2001 — *Б. Конески*. Историска фонологија на македонскиот јазик. Скопје, 2001.
- Кочев 1959 — *И. Кочев*. Застъпници на меката ерова гласна в българския език // Статъти и материали по болгарской диалектологии. Вып. 9. М., 1959. С. 51–90.
- Малкова 1981 — *О. В. Малкова*. О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 98–111.

- Мирчев 1955 — *К. Мирчев*. Историческа граматика на българския език. София, 1955.
- Нарумов 2001 — *Б. П. Нарумов*. Арумынский язык/диалект // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 636–656.
- Нахтигал 1963 — *Р. Нахтигал*. Славянские языки. М., 1963.
- ОЛА 1–9 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1–9. Београд; Москва; Wrocław; Warszawa; Zagreb; Скопје; Praha, 1988–2019.
- ОФУЯ 2 — Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975.
- Поливанов 1928 — *Е. Д. Поливанов*. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
- Селищев 2006 — *А. М. Селищев*. Старославянский язык. М., 2006.
- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.; СПб., 1975–2019.
- Соболевский 2005 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. М., 2005.
- Стойков 2002 — *С. Стойков*. Българска диалектология. София, 2002.
- Фортунатов 1957 — *Ф. Ф. Фортунатов*. Лекции по фонетике старославянского /церковнославянского/ языка // Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. 2. М., 1957.
- Чекман 1979 — *В. Н. Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Черных 1952 — *П. Я. Черных*. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915.
- Arumaa 1 — *P. Arumaa*. Urslavische Grammatik. I. Band. Heidelberg, 1964.
- Bauer, Lamprecht, Šlosar 1986 — *J. Bauer, A. Lamprecht, D. Šlosar*. Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Boryś 2005 — *W. Boryś*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2006 — *K. Długosz-Kurczabowa, S. Dubisz*. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2006.
- Duma 1974 — *J. Duma*. Wokalizacja jerów słabych w sylabie nagłosowej w dialektach bułgarskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 14. Warszawa, 1974. S. 167–174.
- FO 1981 — Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Jaroslaviėnė 2017 — *J. Jaroslaviėnė*. Different IPA Equivalents for some Lithuanian and Latvian vowels // Acta Linguistica Lithuanica. 2017. Vol. 77. P. 196–218.
- Kallio 2006 — *P. Kallio*. On the earliest Slavic loanwords in Finnic // Slavica Helsingiensia. 2006. Vol. 27. P. 154–166.
- Kiparsky 1 — *V. Kiparsky*. Russische historische Grammatik. Band 1. Heidelberg, 1963.
- Kohler 2007 — *K. Kohler*. German // Handbook of the International Phonetic Association. Cambridge, 2007. P. 86–89.
- Kondo 1994 — *M. Kondo*. Mechanisms of vowel devoicing in Japanese // Third International Conference on Spoken Language Processing. Yokohama, 1994. P. 61–64.

- Krajčovič 1971 — *R. Krajčovič*. Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1971.
- Labrone 2012 — *L. Labrone*. The Phonology of Japanese. Oxford, 2012.
- Lamprecht 1987 — *A. Lamprecht*. Praslovanščina. Brno, 1987.
- Lehr-Splawiński 1929 — *T. Lehr-Splawiński*. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
- Leskien 1905 — *A. Leskien*. Handbuch der altbulgarischen Sprache. Weimar, 1905.
- Logar 1993 — *T. Logar*. Slovenska narečja. Ljubljana, 1993.
- Lunt 2001 — *H. Lunt*. Old Church Slavonic Grammar. Berlin; New York, 2001.
- Mareš 1956 — *F. V. Mareš*. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty // *Slavia*. 1956. Vol. 25. S. 443–495.
- Marvan 1971 — *J. Marvan*. Some structural aspects of the development of jers // *Scando-Slavica*. 1971. Vol. 17/1. P. 249–258.
- Matasović 2008 — *R. Matasović*. Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2008.
- McCollum, Chen 2021 — *A. G. McCollum, S. Chen*. Kazakh // *Journal of the International Phonetic Association*. 2021. Vol. 51/2. P. 276–298.
- Mikkola 1938 — *J. J. Mikkola*. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
- Milewski 1969 — *T. Milewski*. Ewolucja prasłowiańskiego systemu wokalicznego // *T. Milewski*. *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego*. Warszawa, 1969. S. 309–326.
- Moszyński 2006 — *L. Moszyński*. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 2006.
- MSČ 2013 — *Mluvnice současné češtiny*. Díl 1. Praha, 2013.
- Popov 2020 — *M. B. Popov*. Jer // *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. http://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032048
- Popowska-Taborska 1961 — *H. Popowska-Taborska*. Centralne zagadnienie wokalizmu kaszubskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961.
- Ramovš 1936 — *F. Ramovš*. Kratka zgodovina slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
- RHiSJ 1–23 — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- Schaarschmidt 1998 — *G. Schaarschmidt*. A Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian Languages. Heidelberg, 1998.
- SEJDP 1–6 — *Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich*. Zesz. 1–6. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1994.
- Shevelov 1964 — *G. Y. Shevelov*. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.
- Shevelov, Chew 1969 — *G. Y. Shevelov, J. J. Chew*. Open Syllable Languages and their Evolution: Common Slavic and Japanese // *Word*. 1969. Vol. 25/1–3. P. 252–274.
- SLA 1–2 — *Slovenski lingvistični atlas*. D. 1–2. Ljubljana, 2011–2016.
- Smith 2003 — *C. Smith*. Vowel Devoicing in Contemporary French // *French Language Studies*. 2003. Vol. 13. P. 177–194.
- Snoj 2016 — *M. Snoj*. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2016.
- Stieber 2005 — *Z. Stieber*. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005.
- Ternes, Vladimirova-Buhtz 2007 — *E. Ternes, T. Vladimirova-Buhtz*. Bulgarian // *Handbook of the International Phonetic Association*. Cambridge, 2007. P. 55–57.

Toporišič 2000 — *J. Toporišič*. Slovenska slovnica. Maribor, 2000.

Trudgill 2003 — *P. Trudgill*. Modern Greek dialects // Journal of Greek Linguistics. 2003. Vol. 4. P. 45–64.

Vasmer 1970 — *M. Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970.

Večerka 1984 — *R. Večerka*. Staroslověnština. Praha, 1984.

Vondrák 1912 — *V. Vondrák*. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.

Summary

Mikhail N. Saenko

Proto-Slavic “reduced” sounds and the vowels *u* and *i* in the Slovenian dialect of Valburga: some parallels

The literature on Slavic jers is vast, and the history of change in views on these sounds could be a topic of a separate monographic study. In this article, we will try to shed light only on some controversial aspects of the theory of “reduced” sounds and present our own interpretation. Our view will be supported by material from the Slovenian Upper Carniolan dialect of the village of Valburga. While some parallels between the fates of Proto-Slavic “reduced” sounds and Slovenian *u* and *i* have already been noted in the literature, to date a detailed comparison has not been made.

Keywords: Proto-Slavic language, reduced vowels, Slovenian language